

АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

# ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК  
3 (66)



ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР  
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД  
1 9 5 8

## ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЕГИПТОЛОГИИ

*С. И. Коссаковский. Доклад о иероглифической системе Шампольона*

### 1

Станислав Иосифович Коссаковский (1795—1872), дипломат и литератор, с 1822 по 1827 г. занимал в Риме пост первого секретаря русского посольства. Это были годы, когда в образованных кругах европейских стран стало широко известно имя французского исследователя Жана-Франсуа Шампольона (1790—1832), дешифровавшего египетские иероглифы и тем самым положившего начало новой научной дисциплины — египтологии.

В 1822 г. Шампольон опубликовал „Письмо к г-ну Дасье“,<sup>1</sup> в котором изложил первые результаты своего открытия, а в 1824 г. был издан его основной труд „Очерк иероглифической системы древних египтян“.<sup>2</sup>

В России сразу же по достоинству было оценено передовое значение открытия Шампольона. В русской периодической печати того времени широко освещалась научная деятельность французского исследователя. 10 января 1827 г. он был избран, в один день с Гёте, почетным членом Петербургской Академии наук.

Стремясь проверить свои построения на возможно большем числе подлинных египетских текстов и надписей, Шампольон, вскоре после выхода в свет „Очерка иероглифической системы“, предпринял длившееся, с небольшим перерывом, до ноября 1826 г. путешествие, во время которого он работал над египетскими памятниками Турина, Флоренции, Неаполя и Рима. В Риме он познакомился с Коссаковским.

<sup>1</sup> Champollion le jeune, Lettre à M. Dacier . . . relative à l'Alphabet des hiéroglyphes phonétiques employés par les Égyptiens pour inscrire sur leurs monuments les titres, les noms et les surnoms des souverains grecs et romains. Paris, 1822.

<sup>2</sup> Champollion le jeune, Précis du système hiéroglyphique des anciens Égyptiens . . . Paris, 1824. В 1828 г. было опубликовано 2-е издание данного труда.

В лице молодого дипломата создатель египтологии нашел не только друга, но и горячего сторонника, правильно понимавшего самое существо его научных построений и деятельно их пропагандировавшего.<sup>1</sup>

С именем Коссаковского связана одна из работ Шампольона, опубликованная почти одновременно в Италии<sup>2</sup> и во Франции<sup>3</sup> под названием „*Écritures égyptiennes. Lettre à M. Z.\*\*\**“. Обстоятельства опубликования этой работы таковы. Во время пребывания Шампольона в столице Италии, там образовалось два лагеря — лагерь восторженных сторонников и лагерь ожесточенных противников французского исследователя. После появления в печати „Письма к г-ну Дасье“ за результатами изысканий автора „Письма“, наряду с учеными, внимательно следили и представители церкви. Некоторые из них ставили в заслугу Шампольону то обстоятельство, что он доказал позднее происхождение дендерского зодиака. Этот памятник, впервые открытый во время египетского похода Наполеона и, начиная с 1802 г., неоднократно издававшийся и комментировавшийся, возбудил в Европе огромный интерес. Авторы многих работ, посвященных дендерскому зодиаку, исходя из расположения изображенных на нем созвездий, относили время его выполнения к очень отдаленным временам и приписывали ему глубокую древность — от 6 до 15 тысячелетий до нашей эры, — невозможную с точки зрения библейской хронологии. Возникла оживленная дискуссия, длившаяся много лет и прекратившаяся только после того, как Шампольон в своем „Письме к г-ну Дасье“ установил, что этот зодиак был высечен на потолке храма в Дендера в римский период египетской истории. Такая датировка была с большим удовлетворением принята в церковных кругах. Раздавались даже голоса, будто Шампольон занялся изучением иероглифов исключительно с целью защиты библии от нападок неверующих.

Известно, какое негодование вызывали у Шампольона подобного рода мнения. В письме к одному из своих друзей он указывает, что газеты ультрароялистов и ультрамонтанов приветствуют его открытие только потому, что первые результаты этого открытия „вполне устраивают их. Посмотрим, — говорится дальше, — придется ли им так же по вкусу продолжение, как применение моего алфавита, намеренно использованного

<sup>1</sup> См.: *Lettres de Champollion le jeune, t. I. Lettres écrites d'Italie*. Paris, Leroux, 1909, стр. 369 [письмо Шампольона к его брату, историку и археологу Жаку-Жозефу Шампольону-Фижаку (1778—1856), от 29 июля 1826 г.]. О близких дружеских отношениях между Шампольоном и Коссаковским ярко свидетельствует опубликованное нами письмо Шампольона к Коссаковскому (см.: Палестинский сборник, 2(64—65), Л., 1956, стр. 115—121).

<sup>2</sup> *Memorie Romane di antichità e di belle arti...*, vol. I. Roma, 1824, Appendice, стр. 3—10. (На титульном листе указан 1824 г., книга вышла в свет в 1825 г.).

<sup>3</sup> *Bulletin des sciences historiques, antiquités, philologie. Septième section du Bulletin universel des sciences et de l'industrie, publié sous la direction de M. le B<sup>on</sup> de Férussac, t. IV. A Paris, 1825, стр. 85—92, № 107.*

для объяснения таких памятников, древность которых не могла бы их испугать. Я избавил их от пяти или шести тысячелетий дендерского зодиака. Таким образом, если верить почтенной старой «Gazette de France», партия верующих считает меня «отцом церкви», истинным отцом веры, защитником религии и добропорядочных хронологических доктрин. Но подождем, пока будет напечатана моя работа, и дальнейшее покажет, насколько я заслужил льстивые комплементы «Gazette» и «Drapeau blanc». К счастью, кваканье этих гнусных пресмыкающихся теряется в хоре одобрений, которые мои труды заслужили у лиц, чей ум и здравый смысл вызывают у меня величайшее уважение. Похвалы последних вознаграждают меня за восхваления первых. Словом: . . . мне надоел ореол святости, которым меня окружают ханжи. Можно подумать, что единственной моей целью в течение пятнадцати лет, посвященных открытию моего алфавита, было прославление бога... Однако в один прекрасный день я выкину славную штуку, сделав непосредственные выводы из моего открытия. Смеется тот, кто смеется последним<sup>1</sup>.

Шампольону и впоследствии приходилось считаться в своей научной деятельности с взглядами, против которых он столь резко выступает в приведенном письме. Так, его экспедиция в Египет, в огромной степени способствовавшая дальнейшему развитию египтологии, была, по словам биографа Шампольона, разрешена только после того, как французский король Карл X получил от друзей ученого заверения в том, что результаты этой экспедиции не поколеблют библейской хронологии.<sup>2</sup> Именно это обстоятельство имел в виду Шампольон, когда сообщал из Египта своему брату, Шампольону-Фижаку, что многие данные, полученные им при изучении египетских памятников на месте, он вынужден до поры до времени сохранять в тайне.<sup>3</sup>

Во время путешествия Шампольона по Италии вопросы религии использовались наиболее рьяными из его противников, стремившихся любым путем дискредитировать новую научную теорию. Одни заявляли, что египтологические исследования „разрушают основы религии и подрывают авторитет библии“, <sup>4</sup> другие пытались доказать, что при изучении древнеегипетского письма следует исходить из данных библии. Последнее утверждение содержалось в опубликованной в период пребывания в Риме Шампольона направленной против него работе аббата Ланчи, по специальности арабиста. Шампольон, по совету друзей, ответил аббату указанной выше статьей, напечатанной в виде письма, датированного 15 июня 1825 г. и адресованного „г-ну Z\*\*\*“, т. е. Коссаковскому,

<sup>1</sup> Lettres de Champollion le jeune, t. I, стр. 230.

<sup>2</sup> Там же, стр. 231—232.

<sup>3</sup> Там же, t. II. Lettres et journaux écrits pendant le voyage d'Égypte. Paris, Leroux, 1909, стр. 250 (письмо от 25 марта 1829 г.).

<sup>4</sup> Там же, t. I, стр. 210.

который в связи с позицией, занятой им по отношению к великому ученому, также подвергался нападкам со стороны Ланчи.<sup>1</sup>

К тому же периоду, несомненно, относится и краткое изложение иероглифической системы Шампольона,<sup>2</sup> перевод которого публикуется нами ниже (стр. 156 сл.). Как это явствует из названия „Доклада“, он составлен для русского посла в Риме Андрея Яковлевича Италинского (1743—1827).

А. Я. Италинский был широко образованным человеком. Его деятельность не ограничивалась областью дипломатии. Медик по образованию, знаток искусства и археолог, он был также арабистом и занимался изучением ряда других восточных языков. Выяснению роли А. Я. Италинского в истории русского востоковедения академик И. Ю. Крачковский посвятил обширную работу, частично опубликованную в 1953 г.<sup>3</sup>

А. Я. Италинский, живо интересовавшийся всеми новыми течениями в области искусства и науки, был в курсе той острой полемики, которая разгорелась в Риме между Шампольоном и его противниками. Некоторые из них, например Густав Зейффарт (1796—1885), безуспешно старались противопоставить иероглифической системе французского ученого свои собственные домыслы, причем пытались привлечь на свою сторону русского посла. Для того чтобы дать Италинскому верное представление об этой системе, Коссаковский и написал свой „Доклад“, составленный, очевидно, под впечатлением тех нескольких лекций, которые Шампольон в июне 1825 г. прочитал в Риме для дипломатов и ученых и о которых он упоминает в своих письмах из Италии.<sup>4</sup> В одном из этих писем (от 22 июня 1825 г.), перечисляя некоторых из своих слушателей, Шампольон называет также и Коссаковского.

## 2

В рукописи правильно отмечена основная мысль, руководившая Шампольоном с самых первых его шагов в области изучения древнеегипетского письма.

<sup>1</sup> Там же, т. I, стр. 233, прим. 1.

<sup>2</sup> *Compte-rendu sur le système hiéroglyphique de M<sup>r</sup> Champollion fait pour son excellence M<sup>r</sup> d'Italinsky par le comte Kossakowski*. Хранится в Рукописном отделе Института востоковедения АН СССР, р. 3, оп. 2, № 46. Рукопись, подаренная ее автором, как это видно из автографа (не датированного) на титульном листе, П. Сухтелену, представляет собой тетрадь, переплетенную в плотный картонный переплет размером 21×25.5 см и содержит 44 страницы и одну таблицу, вклеенную в конце рукописи на выкидном листе.

<sup>3</sup> Акад. И. Ю. Крачковский. Один из первых исследователей восточных элементов в „Слове о полку Игореве“. Сб. „Очерки по истории русского востоковедения“. Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 23—30.

<sup>4</sup> См.: *Lettres de Champollion le jeune*, t. I, стр. 218—219, 223 и 228 (письма от 30 мая, 17 и 22 июня 1825 г.). Ср. ниже, стр. 159, где Коссаковский ссылается на эти лекции, а также стр. 162.

Со времен Афанасия Кирхера (1602—1680), вплоть до начала XIX в., в трудах, посвященных вопросам древнеегипетского письма, господствовало мнение, что иероглифы передавали не звуки разговорного языка египтян, а понятия, т. е. что они были идеографическими знаками; что египтянам не был известен наиболее совершенный графический способ передачи мыслей — фонетическое письмо; что их надписи и тексты содержали главным образом тайные учения религиозно-философского характера, а иероглифы, которыми эти надписи и тексты были выполнены, являлись недоступной народу тайнописью жрецов. Ряд современных Шампольону ученых продолжал держаться этого мнения даже после того, как в „Письме к г-ну Дасье“ было неопровержимо установлено существование в египетских надписях греко-римского периода иероглифического звукового алфавита. Получила широкое распространение теория, будто открытый автором „Письма“ иероглифический алфавит неприменим к надписям фараоновского Египта и был изобретен египтянами якобы только под влиянием греков. Последователи этой теории были убеждены в том, что египетское письмо догреческой эпохи не знало фонетических знаков и, следовательно, несмотря на открытие Шампольона, по-прежнему не поддается чтению.

Верное историческое чутье и широкий кругозор подсказали Шампольону правильную мысль, что несовершенное идеографическое письмо, передававшее понятия посредством метафор, сравнений, загадок, не соответствовало бы той высокой ступени развития материальной и духовной культуры, которую приписывала египетскому народу современность. Он не сомневался в том, что начертанные в огромном количестве на памятниках общественного характера египетские надписи также носили общественный характер и что уже только поэтому письмо древних египтян не могло быть слишком сложным и доступным только узкому кругу людей, посвященных в религиозные таинства. Эти соображения, говорит автор „Доклада“, помогли Шампольону избежать ошибок, обусловивших неудачу его предшественников, в течение столетий безуспешно стремившихся раскрыть тайну иероглифов. В „Очерке иероглифической системы“ Шампольон доказал, что „душой“ этой системы являлись фонетические знаки и что открытый им иероглифический фонетический алфавит применим к надписям и текстам всех периодов истории древнего Египта.

В „Докладе“ Коссаковский излагает взгляды на египетское письмо, которых Шампольон держался в годы создания „Очерка иероглифической системы древних египтян“.<sup>1</sup> В основном „Доклад“ является перифразировкой соответствующих высказываний из этого исследования и из

---

<sup>1</sup> В настоящей статье мы не входим в обсуждение по существу затронутых в „Докладе“ вопросов, касающихся иероглифической системы Шампольона (а также его взглядов на природу коптского языка.)

„Письма к г-ну Дасье“. Вместе с тем отдельные положения, приводимые в рукописи Коссаковского, отсутствуют в указанных трудах Шампольона и засвидетельствованы в его поздних работах. Таково, например, замечание, касающееся преимуществ применения в египетском письме омофонов — иероглифов, изображавших различные предметы, но передававших один и тот же звук египетского разговорного языка. Содержащаяся в этом замечании Коссаковского мысль известна нам из посмертной „Египетской грамматики“ Шампольона. Небольшие сравнительные таблички иероглифических и иератических знаков, приведенные в рукописи Коссаковского, также известны только по „Египетской грамматике“.<sup>1</sup>

Некоторые детали иероглифической системы, указанные в „Докладе“, не приводятся ни в одном из упоминавшихся нами трудов Шампольона. К ним относится классификация иероглифов, предусматривающая, кроме обычных трех видов знаков (изобразительных, символических и фонетических), еще четвертый вид — смешанные письма (les caractères mixtes).<sup>2</sup>

„Доклад“ написан на французском языке аккуратным тонким писарским почерком. Иероглифы и коптские слова (значение последних не всегда указано достаточно точно), таблица графической системы египтян в конце рукописи и вписанная дополнительно на полях небольшая глава о „Смешанных письменах“ выполнены другой рукой, рукой Коссаковского. Его же рукой исправлены некоторые из довольно многочисленных орфографических ошибок, содержащихся во французском тексте рукописи „Доклада“.

### **ДОКЛАД О ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ Г-НА ШАМПОЛЬОНА, СОСТАВЛЕННЫЙ ДЛЯ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА Г-НА ИТАЛИНСКОГО ГРАФОМ КОССАКОВСКИМ**

Каким образом г-ну Шампольону удалось прочесть, объяснить иероглифы? Почему ученых, занимавшихся до него этой важной темой, которой они посвятили многочисленные исследования, постигла неудача?

<sup>1</sup> См. ниже, стр. 167, а также: Champollion. Grammaire égyptienne. Paris, 1836—1841, стр. 29—30 и стр. 16, 17 и 18. В примерах, приведенных на этих табличках Коссаковским (некоторые из указанных примеров мы в нашем переводе, стр. 167, опускаем), не только даны, в основном, те же самые иероглифы, что и в „Египетской грамматике“, но применен также использованный в последнем труде способ обозначать пунктиром недостающие части иероглифа при его сокращенной передаче в иератическом письме. Многие из приведенных Коссаковским иероглифических и иератических знаков воспроизведены им не вполне правильно. При сопоставлении „Доклада“ с трудами Шампольона мы не учли его исследования о иератическом письме (De l'écriture hiératique des anciens Égyptiens. Grenoble, 1821), так как с этой работой, давно ставшей библиографической редкостью, нам не удалось познакомиться.

<sup>2</sup> См. ниже, стр. 166. В „Очерке иероглифической системы“ Шампольон указывает на возможность сочетания иероглифов трех различных категорий (изобразительных, символических и фонетических), не выделяя такие сочетания в особую категорию иероглифов. См.: Champollion. Précis du système hiéroglyphique. 2-е изд., 1828, стр. 404; Grammaire égyptienne, стр. 67.

Вот вопросы, невольно приходящие в голову, когда слышишь о системе г-на Шампольона.

Приступая прежде всего к рассмотрению причин, обусловивших бесплодность изысканий исследователей, предшественников французского ученого, мы обнаруживаем, что эти причины — двоякого порядка: они заключаются либо в отсутствии сравнительных материалов, необходимых для открытия, которое эти исследователи пытались сделать, либо в некритическом использовании неверно истолкованных высказываний, послуживших основанием для выводов этих исследователей.

К первой категории указанных причин следует отнести отсутствие двуязычных надписей и то обстоятельство, что не производилось сопоставление ритуальных заупокойных текстов. А между тем эти тексты содержат ценные данные, касающиеся материальных элементов графической системы. Во вторую категорию входят мнения ученых двух последних столетий, считавших, что ключ к иероглифам был утерян еще во времена Камбиза<sup>[1]</sup>, что эти письмена являлись какой-то тайной, в которую посвящали только адептов, что язык, на котором они написаны, не был тождествен языку коптскому<sup>[2]</sup>, что этот последний являлся всего лишь не очень древним и несовершенным наречием и что, наконец, иероглифические знаки всегда состояли только из чисто символических, а не из фонетических письмен.

Переходя к вопросу о том, как г-ну Шампольону удалось прочитать, объяснить иероглифы, мы обнаруживаем, что он обязан своим открытием сопоставлению подлинных документов и углубленному изучению всего того, что могло пролить хоть какой-нибудь свет на предмет его изысканий, объединив, таким образом, для этой цели все доступные средства.

Документы, на основании которых он установил свою систему, суть: Розеттский камень<sup>[3]</sup>, надпись на обелиске из Фил<sup>[4]</sup> и ритуальные заупокойные тексты<sup>[5]</sup>.

В такого рода исследовании необходимо было руководствоваться только данными памятников, данными, часто находящимися в кажущемся противоречии с более или менее правильно понятыми документами, которыми мы обязаны греческим и латинским авторам. Пускаясь в неведомый путь, не следовало слишком спешить с далеко идущими выводами из установленных фактов и необходимо было суметь ограничиться умозаключениями, лишь непосредственно вытекающими из этих фактов. Необходимо было, наконец, распознать принципы, действительно лежавшие в основе системы, среди иллюзорных результатов, в избытке присутствующих изысканиям, неотъемлемым элементом которых является фантазия, находящаяся в них столь обширное и почти неограниченное поле деятельности. Отнюдь не случайность руководила г-ном Шампольоном в его исследованиях до того, как он получил в свое распоряжение неоспоримые документы, положенные им в основу его системы; сообра-

жения общего характера позволили ему предвосхитить те результаты, которых он достиг впоследствии.

Находясь под впечатлением истины, что письмо, или письменный язык, всегда соответствует цивилизации того народа, который им пользуется, он вынужден был отвергнуть столь распространенную до него мысль, что египетская графическая система была недостаточно совершенной. В самом деле, кто может оспаривать высокую степень развития культуры древних египтян! Восхищение греческих путешественников, некогда их посещавших, исторические свидетельства, касающиеся их столь сложных социальных отношений, наконец, их сооружения, изумляющие даже нашу современную цивилизацию, являются неоспоримыми доказательствами высокого развития духовной культуры этого народа, господствующая мысль которого при сооружении его многочисленных памятников, по-видимому, состояла в том, чтобы бросить вызов векам и переворотам.

Считая доказанным соображениями высшего порядка, что графическая система египтян должна была быть совершенной, т. е. что она имела знаки, способные передавать все оттенки мысли цивилизованного народа, г-н Шампольон решил, что египтяне, следовательно, не могли не иметь в своей графической системе знаков для передачи звуков, знаков, без помощи которых, как это нетрудно доказать, язык мог бы лишь очень приблизительно выражать связь между понятиями, связь, весьма обычную даже для мало развитого общества.

Как, однако, объяснить молчание большинства древних греческих авторов относительно звуковых, или фонетических, письмен? По мнению г-на Шампольона, здесь следует принять в расчет то обстоятельство, что они уделяли мало внимания знакам, передающим звуки в иероглифическом письме (знакам, по природе своей близким к знакам их собственной, греческой, графической системы), вследствие того исключительного впечатления, которое на них производили и з о б р а з и т е л ь н ы е и с и м в о л и ч е с к и е знаки египетского письма, — род знаков, подобных которым греки совершенно не имели в своем собственном национальном письме.

Отыскивая фонетические знаки в египетском письме, г-н Шампольон крайне остерегался слишком обобщать свое открытие и отрицать существование других знаков. Всегда осторожный в своих выводах, он ничего не утверждал, пока не имел доказательств, обоснованных подлинными памятниками или точными копиями. Этот медленный, но верный путь предохранил его от ошибки, в результате которой он мог бы вступить в противоречие с фактами и историческими свидетельствами, также доказывающими существование символических и изобразительных знаков.

Широкий исторический кругозор помог г-ну Шампольону опровергнуть другое мнение, слишком необдуманно разделявшееся некоторыми

учеными, — мнение, согласно которому чтение иероглифов составляло тайну, доступную, во все времена, только посвященным. Розеттская надпись — постановление в честь Птолемея Эпифана, носившее общественный характер, — послужила для г-на Шампольона достаточным основанием, чтобы с успехом опровергнуть это утверждение.

Факт употребления в один и тот же период греческих букв и иероглифов для передачи устной речи египтян при помощи графических знаков также не ускользнул от внимания г-на Шампольона. Он доказал, что относящаяся ко II в. египетская версия Нового Завета была написана греческими буквами и что в эту же эпоху применялись также, на памятниках общественного характера, иероглифические знаки. Доказательством тому служат надписи в честь императора Гордиана на его гробнице на Евфрате [6].

Что касается тождества коптского и древнеегипетского языков, то хотя г-н Шампольон и распознал это тождество благодаря неискаженной форме коптских слов, встречающихся в священном писании, однако полностью он удостоверился в этом лишь после того, как открыл фонетические знаки. Из сочетания этих звуковых письмен с символическими знаками, о которых сообщали авторы, и со знаками изобразительными, засвидетельствованными памятниками, под его пером — по мере того как он транскрибировал греческими буквами иероглифические знаки — возникали коптские слова и коптские фразы, всегда строго подчиненные грамматическим законам этого языка, дающие законченный и всегда отвечающий значению целого смысл.

Прежде чем перейти к изложению графической системы древних египтян, мы дадим краткий анализ их разговорного языка, точно придерживаясь при этом порядка, которому следует сам г-н Шампольон в своих увлекательных беседах.

### О РАЗГОВОРНОМ ЯЗЫКЕ ЕГИПТЯН [7]

Со времени введения в Египте христианской религии новообращенные перестали пользоваться иероглифическими письменами, как бы оскверненными в их глазах идолопоклонством, и заменили их курсивными греческими буквами. Египетский язык, переданный с помощью греческих букв, получил название коптского языка.

Коптский язык отличается от древнеегипетского только формой письмен и тем, что в его состав входит известное число греческих слов, носящих почти исключительно культовый характер и служащих для выражения понятий, введенных новой религией.

Так как египетский язык моносиллабичен, очень легко распознать — вследствие их полисиллабичности — вошедшие в его состав греческие слова. Ввиду того, что коптский язык и язык египетский являются од-

ним и тем же языком, в дальнейшем мы не будем больше делать между ними различия.

Коптский язык является праязыком, оперирует корнями и производными, он моносиллабичен. Поэтому он совершенно не подвержен последовательным изменениям, каким подвержены многие из наших современных языков, вынужденные заимствовать слова из какого-либо другого наречия для того, чтобы передать новое сочетание понятий. Коптский язык находит в самом себе возможность выразить эти новые соотношения путем сочетания своих корней.

Коптские корни, рассматриваемые со стороны их значения, являются неделимыми словами, передаваемыми при помощи неизменяющихся звуков и сочетающимися, далее, с другими словами той же природы. Существует два вида этих корней: субстантивы и квалитативы.

Для того, чтобы уловить аналогию, которая подсказала тому или иному языку его первоначальные корни, необходимо было бы знать все обстоятельства, обусловившие рождение этого языка.

Вероятно, все же, что в Египте лягушка получила название **хротр**, *chrour*, осел — **ю**, *iô*, лев — **моти**, *moûi*, змея — **зоу**, *hof* в результате звукоподражания, ибо эти названия являются подлинными мимологизмами, обозначающими причину посредством следствия.

Тот же принцип подражания окажется преобладающим при образовании следующих квалификативов:

**хремрем**, *chremrem* — для акта шума (*pour l'action de faire du bruit*);  
**херхер**, *kherkher* — для акта дыхания;  
**хоухоу**, *thofthef* — для акта плеванья;  
**храхрех**, *khradjredj* — для акта скрежетания зубами.

Очевидно, что в этих словах действие обозначено самим звуком, который оно вызывает.

Но как объяснить возникновение столь большого числа других корней, обозначающих целый ряд отвлеченных понятий? Поскольку эпоха их образования недоступна нашему исследованию, ограничимся изложением основных законов, управляющих различными сочетаниями этих корней.

### Сочетания в египетском языке

Так как этот язык моносиллабичен, каждое из его отдельных слов является корнем и, следовательно, неизменяемо. Каждое из этих неизменяемых слов имеет самостоятельное значение, изменяющееся только путем присоединения других неизменяемых слов, играющих роль

определяющих слов<sup>(а)</sup>, частиц, придающих слову отрицательное значение<sup>(б)</sup>, указательных слов<sup>(в)</sup> и т. д., или слов, обозначающих принадлежность<sup>(г)</sup>, действие, причину, состояние и следствие.

И, наконец, остальные неизменяемые слова выражают категорию лица, бытия и времени. Расположенные в известной системе, они образуют глагол „быть“, единственный глагол египетского языка.

Общее число корней коптского языка ограничено, но сочетания этих элементов весьма многочисленны. Эти сочетания служат для передачи большей части отвлеченных понятий и становятся, следовательно, фразами, формулами.

Так, например, египтяне говорят:

„иметь два сердца“, чтобы выразить „сомнение“,  
 „посетить сердце“, чтобы выразить „задумчивость“,  
 „голос неба“, вместо того, чтобы сказать „гром“.

Они обозначают:

„терпенье“ через „победу сердца“,  
 „доверие“ через „способность положить свое сердце на что-либо или на кого-либо“,  
 „раскаяние“ через „акт съедения своего сердца“,  
 „храбрость“ через „большое сердце“,  
 „слабость“ через „бедность сердца“,  
 „простодушие“ через „сердце в глазу“,  
 „бесстыдство“ через „способность иметь острый глаз“.

Что касается синтаксиса этого языка, то он скорее логичен, нежели изыскан, ибо его конструкция следует естественному ходу мыслей. Он строго прямолинеен.

Если рассматривать коптский язык со стороны произношения, то он имеет три различных диалекта: 1) фиванский, 2) мемфисский и 3) среднеегипетский, отличающихся один от другого только произношением согласных<sup>(а)</sup> и чередованием гласных<sup>(б)</sup>.

Глубокая древность этого языка не может вызвать никаких сомнений, особенно после того, как было найдено такое множество надписей на памятниках.

(а) Например: Pi-, le [8] — Pi-meï (l' amour, любовь).

(б) At, без — At-meï (без любви, т. е. бесчувственный).

(в) Pei-, этот — Pei-meï (эта любовь).

(г) Pa-, мой — Pa-meï (моя любовь).

(а) L вместо R и наоборот, (p) вместо (f) или (th).

(б) Примеры: (i) вместо (e), и наоборот.

Фиванский диалект предпочитает (e), жители Мемфиса — (i), жители среднего Египта употребляют безразлично (i) или (e), (a) или (o).

Г-н Бартелеми<sup>[9]</sup> и Игнатий де Росси<sup>[10]</sup>, обнаружив в коптском языке и в других восточных языках сходные слова, решили, что египтяне заимствовали их у своих соседей. Но эти ученые превратно истолковали существо дела. Им следовало бы понять, что общие термины, напротив, являются в этих восточных языках заимствованием из языка египетского, ибо все эти слова, обособленно стоящие в данных наречиях, по своим корням тяготеют к египетскому словарю.

### **О ПИСЬМЕННОМ ЯЗЫКЕ ЕГИПТЯН**

Прилагаемая при сем сводная таблица дает общее представление об открытой г-ном Шампольоном графической системе древних египтян.

На ней показано, в чем состоит отличие древних письмен от письмен позднейших, дано основное деление древних письмен на письмена иероглифические и дополнительные, подразделение иероглифических письмен на изобразительные, символические, фонетические и смешанные знаки, приведены примеры для знаков этих категорий, даны образцы дополнительного письма, состоящего, как это можно видеть, из иероглифических и демотических письмен; и, наконец, мы найдем в таблице определение каждого вида этих письмен и различные способы их начертания.

Следуя порядку, намеченному этой сводной таблицей, мы приведем здесь некоторые разъяснения, которые были даны самим г-ном Шампольоном в его курсе, и эти разъяснения помогут полностью понять указанную таблицу.

### **О древних письменах**

Г-н Шампольон делит их на: 1) письмена иероглифические и 2) письмена дополнительные.

#### **Об иероглифических, или божественных, письменах**

Они употреблялись в надписях на памятниках. Они украшали храмы богов, царские гробницы, обелиски, пьедесталы от статуй, гробы для мумий, небольшие статуэтки, связанные с культом мертвых. Они применялись также в ритуальных заупокойных текстах. С помощью иероглифов многие манускрипты исторического характера живописали минувшие события.

Письмена эти либо выполнялись красками, либо высекались, либо одновременно высекались и раскрашивались, либо передавались линиями, либо же только намечались одной основной чертой.

Даже на самых древних памятниках, украшенных иероглифами, невозможно обнаружить никаких следов младенческого периода развития иероглифического письма. Все они составлены по одной и той же

системе, содержат одно и то же число основных знаков и выполнены с одинаковым совершенством.

Иероглифическое письмо состоит, по Шампольону, из знаков изобразительных, символических, фонетических, смешанных.

#### Об изобразительных знаках

Эта категория писмен названа так потому, что они воспроизводят, изображают, рисуют предметы, которые они призваны обозначать. Эти знаки, вероятно, были изобретены раньше других.

Формальная аналогия — вот что вызвало их к жизни. Они являлись составной частью графической системы китайцев, мексиканцев и т. д. Именно это обстоятельство и было причиной необоснованного утверждения г-на де-Гиня<sup>[11]</sup> о наличии генетической связи между китайцами и египтянами. Следовало бы учесть, что изобразительные знаки, общие у этих двух народов, являются неизбежным результатом вынужденного имитирования сходных предметов.

У египтян было два вида изобразительных знаков: простые и условные.

Г-н Шампольон называет простыми и изобразительными знаками письма, полностью воспроизводившие форму предмета, который египтяне хотели обозначить (см. таблицу).

Для обозначения мужчины они изображали мужчину (см. таблицу).

Под условными изобразительными знаками он понимает письма, воспроизводившие одну из основных форм предмета, который египтяне хотели передать.

Для того чтобы передать понятие „солнце“ они изображали диск, для „дома“ они давали набросок плана и т. д. (см. таблицу).

Открытием изобразительных знаков мы обязаны г-ну Шампольону. До него их постоянно принимали за символические знаки.

В результате сопоставления текстов двуязычной надписи из Розетты, были открыты изобразительные знаки солнца, статуи, небольшого храма или переносного ковчежца, стелы. Этот последний знак имитирует форму самой Розеттской надписи, которая высечена на стеле (см. таблицу).

Изучение многих других памятников дало г-ну Шампольону возможность распознать почти все изобразительные знаки, применявшиеся египтянами.

Так как посредством этих знаков можно было обозначать только то, что имело материальную форму, к ним были прибавлены другие знаки, которые при помощи целого ряда разнообразных и искусных метафор использовались для выражения отвлеченных понятий.

Ввиду того что в разговорном языке существовали метафоры, были изобретены символы для их воспроизведения. Таково, по-видимому, происхождение символических писмен.

### О символических письменах

Символические письмена встречаются у всех народов, пользующихся изобразительными письменами.

Китайцы также имели свои символические письмена, а благодаря г-ну Гумбольдту<sup>[12]</sup> мы узнали о наличии этих знаков у мексиканцев.

Г-н Шампольон различает у египтян четыре вида символических письмен.

1. Письмена, передающие целое путем изображения части.

Пример: голова быка для самого быка.

2. Письмена, изображающие орудие для обозначения действия.

Пример: кадило для передачи акта поклонения.

3. Письмена, обозначающие какое-либо понятие посредством предмета, с которым это понятие имеет общепризнанную реальную или воображаемую связь.

Пример: пчела для понятия „народ, находящийся в повиновении“ (метафорический способ).

4. Письмена, обозначающие какое-либо понятие посредством предмета, с которым это понятие имеет реальную или воображаемую связь, связь очень отдаленную, а иногда даже совершенно неуловимую (энигматический способ).

Пример: ястреб для понятия „материнство“.<sup>§</sup>

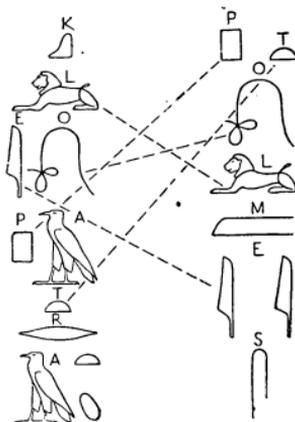
Излишне доказывать здесь непригодность двух только что рассмотренных нами категорий знаков<sup>[13]</sup> для передачи даже самого несложного предложения.

В самом деле, как передать при помощи символов обстоятельства причины, следствия, времени, места, образа действия, взаимоотношения вместилища и содержимого, сходства и различия и т. д.? Мы уже упоминали, что г-н Шампольон, еще не имея в своем распоряжении материалов, позволивших ему впоследствии открыть египетский фонетический алфавит, был убежден в существовании последнего.

### О фонетических знаках

Благодаря сопоставлению картуша, заключавшего в себе — на Розеттском камне — имя Птолемея, с картушем, который содержал — на обелиске из Фил — имя Клеопатры, Шампольон обнаружил несколько одинаковых знаков, расположенных в тех самых местах, в которых они должны были находиться для того, чтобы эти два картуша могли передать оба имени — Клеопатра и Птолемей. Достаточно бросить взгляд на два указанных картуша, чтобы понять всю обоснованность умозаключений г-на Шампольона:

CLEOPATRA PTOLMES



Ряд других царских имен вскоре подтвердил значение, присвоенное г-ном Шампольоном тому или иному знаку, и дополнил его фонетический алфавит.

Изучение этого фонетического алфавита, открытого в результате сравнения высеченных на египетских храмах собственных имен греческих царей и римских императоров, показало, что основной принцип фонетической иероглифической системы заключался в том, чтобы „передавать гласный или согласный посредством изображения реального предмета, название которого в разговорном языке имело в своей начальной части гласный или согласный, подлежащий передаче“. Так,

	, орел,	вызывает в памяти звук	A
	, тростник	” ” ” ”	O
	, курильница	” ” ” ”	B
	, рот	” ” ” ”	R
	, яйцо	” ” ” ”	S
	, сад	” ” ” ”	SCH
	, лев	” ” ” ”	L
	, рука	” ” ” ”	T

Из этого основного принципа изображения звуков следовало, что какой-либо гласный или согласный может быть представлен, без всякого ущерба для ясности и быстроты чтения, несколькими реальными предметами, названия которых в разговорном языке начинались звуком, подлежащим передаче. Поэтому можно, например, обнаружить, что в иеро-

глифических надписях звук R передается безразлично „ртом“ (Ro), или „слезой“ (Rimi), или „гранатовым цветком“ (Roman) и т. д.

Письмена, предназначенные для передачи одного и того же звука, получили название омофонов. Один и тот же звук можно было передать чуть ли не дюжиной письмен-омофонов.

Одно из главных преимуществ, связанных с наличием разнообразных омофонов, состояло в том, что в распоряжении писца оказывались письмена различной формы, легко поддававшиеся объединению в группы, расположенные в виде горизонтальных строк или же вертикальных столбцов.

Египтяне, используя фонетические письмена, применяли алфавитный метод, подобный методу еврейского, сирийского, финикийского народов и современных азиатских народов — арабов, персов и турок, которые при написании слова постоянно опускают в строке обозначения гласных в середине слова.

Наличие в иероглифическом письме звуковых знаков восходит к древнейшим эпохам египетской истории.

#### Смешанные письмена

Смешанные письмена представляли собой сочетание из двух или нескольких знаков различной природы, образовывавших одну вводившуюся в обиход графическую группу и состоявшую из знака фонетического и знака изобразительного, из знака изобразительного и знака символического [14] и т. д.

Пример:  жилище бога или храм. Состоит из изобразительного знака  (дом) и символического знака  (символ божества).

#### Дополнительные письмена

Вследствие того, что написание иероглифического текста было связано с трудностями, так как требовало большой точности выполнения и некоторого умения рисовать, иероглифическое письмо не могло получить широкого распространения. Поэтому делались попытки облегчить написание знаков, будь то изобразительных, символических или фонетических, не искажая их природы. Результатом этих попыток был сокращенный способ написания знаков — образов, при котором целое выражалось минимальным количеством штрихов. Так появились линейные иероглифы (см. таблицу [15]).

Это письмо было более удобным, так как являлось более быстрым, чем письмо чисто иероглифическое, но все же оно требовало предварительного знакомства с соответствующим рисунком для того, чтобы достаточно точно передать эту, столь бесплотную категорию письмен,

состоявших из едва намеченных контурных изображений. Поэтому оказалось необходимым прибегнуть к вторичному сокращению, в результате чего была создана подлинная скоропись иероглифического линейного письма. Эта скоропись получила название иератического письма.

#### Иератические письма

Иератическое письмо, названное так потому, что оно применялось преимущественно жрецами при составлении текстов религиозного, исторического и научного характера, состояло из знаков, являвшихся более или менее легко распознаваемыми сокращениями иероглифических линейных письмен.

Иератические знаки, если говорить об их сокращенной форме, бывают четырех видов.

1. Одни из них являются лишь грубыми и легко распознаваемыми подражаниями линейным иероглифам.

Примеры:

начальник, 

небо, 

2. Другие знаки состоят только из основного штриха линейного иероглифа.

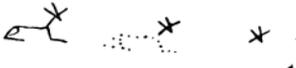
Примеры:

перепел, 

 , M

3. Некоторые из них являются лишь частью линейного знака, употреблявшейся для того, чтобы вызвать в памяти весь знак.

Пример:



4. Наконец, известное число иератических письмен является или только кажется произвольным, поскольку ничто в них не напоминает, по-видимому, формы соответствующих линейных иероглифов.

Пример:



Все иероглифические знаки имели соответствующие им знаки в иератическом письме, за исключением известного числа слишком сложных и образительных письмен: их заменяли фонетической группой, передающей то же самое понятие.

#### Демотические письма

Дальнейшее развитие культуры вызвало необходимость дать низшим классам письмо, которым было бы еще легче пользоваться, чем письмом иератическим.

Поэтому из иератического письма было взято известное число фонетических знаков, достаточное для того, чтобы передать все звуки разговорного языка, но не превышавшее, по-видимому, 40—50 знаков, и сверх того — небольшое число символических знаков, передающих священные имена и предметы, упоминание которых могло встретиться в документах светского характера. Эта система, сильно упрощенная, если говорить о числе знаков, но оперирующая в основном теми же средствами, что и две другие системы, составила народное или демотическое письмо, введенное в Египте в очень древние времена. В этом третьем виде письма, которое почти совершенно не применяет и образительные знаки и обычно заменяет их фонетическими группами, преобладают знаки фонетические.

#### ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

[1] В своей вступительной речи к курсу археологии (1831 г.) Шампольон в этой связи указывал: „Возникло даже такого рода предположение, будто всякий памятник египетского стиля, украшенный иероглифическими надписями, относился к временам, предшествовавшим завоеванию Египта Камбизом: словно Египет, который при греко-римском владычестве и даже раньше, под игом персов, сохранил большую часть своих политических установлений, отказался вдруг от своей религии, от своих собственных письменных систем и на восемь с лишком веков перестал заниматься искусствами и ремеслами, необходимыми для его физического существования и для удовлетворения всех его духовных потребностей“ (Ж.-Ф. Шампольон. О египетском иероглифическом алфавите. Серия „Классики науки“, Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 70—71). Пользуемся случаем указать на некоторые неточности, вкравшиеся в текст этой книги по недосмотру. На стр. 215 вместо иероглифа  следует читать ; в примечании 1 на стр. 149 вместо „Порфирий“ следует читать „Шампольон“; в примечании 6 на стр. 244 дату рождения Окерבלада следует исправить в соответствии с тем, как она дана на стр. 117.

[2] Коптский алфавит состоит из 24 греческих букв и 7 знаков, взятых из древнеегипетской скорописи (так называемого „демотиче-

Графическая система египтян

Древние письма

Иероглифические, или божественные, знаки

Изобразительные

Простые:  , мужчина, и др.;

 , стела

Условные:  , солнце;  
 , дом

Символические

 , голова быка, и др.

 , кадило, и др.

 , пчела, и др.

 , ястреб

Фонетические

 , O

 , R

 , Sch

Смешанные

 , храм — жилище бога

Иератические

 , M; 

Дополнительные знаки

Демотические

 , иероглифическое M;  , демотическое M

 , иероглифическое N;

 , демотическое N

Позднейшие письма

Греческие курсивные письма и др. [16]

ского“, или „народного“, письма) для передачи звуков, отсутствовавших в греческом языке. Слово „копты“ восходит через арабское *qibt* к греческому *Αἰγύπτιοι* — „египтяне“. *Αἴγυπτος* — „Египет“ ученые возводят к древнеегипетскому названию города Мемфиса (*Hwt-k!-Pth*).

[3] Розеттский камень — базальтовая плита (около 1 м 15 см × 73 см), найденная в 1799 г. офицером инженерных войск французской экспедиционной армии Наполеона Бушаром во время саперных работ при сооружении форта Сен-Жульен, недалеко от города Розетты, расположенного в 10 км к югу от Средиземного моря. Хранится в Лондоне, в Британском музее. На плите высечены три надписи на египетском и греческом языках. Верхняя надпись выполнена иероглифами, средняя — демотическими знаками, нижняя — греческими буквами. Содержащееся в греческом тексте указание, что все три надписи передают одно и то же (относящееся к 196 г. до н. э.) постановление жрецов главнейших египетских храмов в честь Птолемея V Эпифана (203—181 гг. до н. э.), послужило отправным пунктом для успешного изучения двух египетских надписей этой плиты. Предшественниками Шампольона в деле исследования надписей Розеттского камня были Сильвестр де Саси (1758—1838), И. Д. Окерблад (1763—1819) и Т. Юнг (1773—1829).

[4] Этот обелиск (из красного гранита), обнаруженный в 1815 г. во время раскопок на острове Филы, стал собственностью англичанина Бэнкса и по его поручению был в 1819 г. доставлен в Александрию, а затем перевезен вместе с базой в Англию. Высота обелиска с базой — 9 м 34 см. На обелиске высечена иероглифическая надпись, на базе — греческая. Обе надписи были использованы Шампольоном при дешифровке египетских иероглифов. Ср. выше, стр. 164, гл. „О фонетических знаках“.

[5] Коссаковский имеет в виду так называемую „Книгу мертвых“. В результате сопоставления экземпляра „Книги мертвых“, написанного иероглифами, с экземплярами, выполненными курсивными иератическими знаками, Шампольону удалось окончательно установить, что иератическое письмо состоит из знаков, генетически связанных с иероглифами и что оно является не чем иным, как иероглифической скорописью. Свои выводы Шампольон изложил в сообщении „Об иератическом письме древних египтян“, прочитанном им в Парижской Академии надписей в августе 1821 г. и опубликованном в сокращенном виде в том же году в Гренобле.

[6] Гордиан III, римский император (238—244), был убит в Месопотамии во время похода против персов и там же похоронен. Коссаковский имеет в виду указание, содержащееся в сборнике биографий римских императоров, известном под названием „*Scriptores historiae Augustae*“. В помещенной в этом сборнике биографии Гордиана III, составление которой приписывается историку Юлию Капитолину, говорится, что на гробнице убитого императора была, якобы, высечена восхвалявшая его деяния и позже уничтоженная надпись, выполненная „греческими, ла-

тинскими, персидскими, иудейскими и египетскими письменами“ (Julius Capitolinus. Vita Gordiani, гл. XXIII).

[7] Ср. высказывания Шампольона о природе коптского языка, опубликованные в „Revue archéologique“, т. 14, 1858, стр. 593—594 (выдержки из сообщения Шампольона о системах египетского письма, прочитанного им 7 августа 1810 г. в Гренобле) и в „Précis du système hiéroglyphique“, Paris, 1824, стр. 284 сл. и стр. 306 сл. (= стр. 333 сл. и стр. 354 сл. второго издания этого труда, 1828 г.).

[8] Определенный артикль мужского рода во французском языке. Приведенное на стр. 161 в примечании (а) и в следующих примечаниях коптское слово, означающее „любовь“, — мужского рода.

[9] Jean-Jacques Barthélemy (1716—1795) — французский литератор и ученый. Вопросу о взаимоотношениях коптского языка с другими языками посвящена его работа „Réflexions générales sur les rapports des langues égyptienne, phénicienne et grecque“ (Mémoires... de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres, t. XXXII. A Paris, 1768, стр. 212—233). Ср. также его письмо от 21 ноября 1763 г., опубликованное в „Oeuvres diverses de J. J. Barthélemy“ (t. 4, A Paris, 1798, стр. 131—136).

[10] Ignazio Rossi (1740—1824) — итальянский филолог, автор [исследования „Etymologiae Aegyptiacae“ (Рим, 1808).

[11] Joseph de Guignes (1721—1800) — профессор сирийского языка в Коллеж де Франс и хранитель древностей Лувра. Занимался изучением древнеегипетского письма, причем, несмотря на ложную предпосылку о генетической связи графических систем Китая и древнего Египта, высказал в своих исследованиях, посвященных египетским иероглифам, ряд предположений, впоследствии оправдавшихся. См. его статью: Essai sur le moyen de parvenir à la lecture et à l'intelligence des hiéroglyphes égyptiens. Mémoires... de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres, t. XXXIV. A Paris, 1770.

[12] Сведения о письменах ацтеков А. Гумбольдт (1769—1859) приводит в трудах, посвященных описанию его путешествия в Америку (1799—1804). См. A. de Humboldt, Vues des Cordillères, et monuments des peuples indigènes de l'Amérique. Paris [1816], 2 тома in-8°.

[13] Говоря о двух категориях знаков, Коссаковский имеет в виду изобразительные и символические иероглифы.

[14] Формулировка оригинала („из знака символического и знака символического“), очевидно, является следствием описки.

[15] В таблице, на которую здесь сделана ссылка, приведен лишь один линейный иероглиф, передающий звук „М“ (иероглиф, изображающий сову, в графе иератических знаков).

[16] Коссаковский имеет здесь в виду коптское письмо. См. выше, стр. 168, примечание 2.